

О Шарике, Жучке, Мурке и сером волке (ономасиологические заметки)

ВИКТОР МОИСЕЕВКО

MOJSZEJENKO Viktor, BD Főiskola, Szláv Filológiai Intézet, Szombathely, Berzsényi tér 2, H-9700
E-mail: mviktor@fsd.bdtf.hu

(Received: 6 December 2005; accepted: 25 January 2006)

Abstract: The author of the article gives a comparative description of Russian and other Slavonic denominations of domestic animals whose names derive from that of colour.

Keywords: nomination, appellative, colour, domestic animals

Во всех славянских языках и диалектах первичная номинация домашних и диких животных нередко связана с окрасом, с цветом внешних покровов, с мастью. В одних случаях апеллятивы, называющие животных, обладают «прозрачной» цветовой семантикой (ср., например, в русском фольклоре субстантивы «серый», называющий волка или «рыжая» применительно к лисе). В ряде других случаев цветное качество как мотив первичной номинации домашних животных не так просто выявить. Поэтому, приступая к толкованию вынесенных в заголовок наименований, мы обращаем внимание на двойственную природу *цвета и масти как колористических феноменов*, отличающихся завуалированностью и размытостью отдельных визуальных характеристик¹.

¹ Масть и цвет очень близки по своей физической природе, равно как и по цветовой семантике. *Близки, но не идентичны*. Об этом иногда забывают даже исследователи языковой теории цвета, пишущие, напр., о «тигровом» цвете, а не о тигровой масти (Рузин 81–85).

По нашим представлениям, зрительно в масти животных или птиц дифференцируется не только цвет или оттенок цвета, но также определённый рисунок внешнего покрова. *Именно этот компонент в сочетании с собственно цветом составляет характерный образ той или иной масти*. В отличие от цвета как физического феномена, который, как известно, наделён *тоном, яркостью, насыщенностью*, масть имеет *двойственную природу*, так как помимо собственно цветовых характеристик, обладает характерным *рисунком* внешнего покрова у животных и птиц: *шкур, кожи, шерсти, волос, пуха, оперения*. Рисунок в сочетании с цветом или оттенками цвета несомненно представляет собой комплексное образование.

Устанавливая этимоны — первичные значения четырёх вышеозначенных ономастических единиц — широко распространённых в русской разговорной и письменной речи кличек домашних животных — собак-дворянжек *Шарика* и *Жучки* и простой, «беспородной» кошки *Мурки*, а также диалектного *Босый* (*Боско*, *Буско*), называющего разных животных, мы подчеркиваем их типологическое родство, которое основано на единстве устойчивых семасиологических характеристик, восходящих к названию определённого цвета или масти.

Названия собаки в славянских языках разнообразны по происхождению. Вместе с тем, в её обозначениях по цвету или по масти просматривается устойчивая тенденция, которая заключается в том, что они в основном являются трансформациями лексики, которая не имеет генетической связи с первичным и.-е. *kūōn* — ‘собака’. Ср., например, русск. *мурúгий* — ‘пятнистый, полосатый’ (например, о кобеле), укр. *морúгий*, *мурúгий*, польск. *morągi*, *m(o)ragowaty* — ‘полосатое животное (например, собака)’, слн. *maręga* — ‘пятно’ из прасл. **mor-ǫgъ*, родственного русск. *марать* — ‘пачкать’ (Herne 28).²

При перцепции и в ходе последующей языковой номинации рисунок как один из элементов масти часто представляется ещё более расплывчатым и неопределённым, чем собственно цветовой компонент цвета, который, впрочем, тоже не всегда легко назвать. В осложнённых рисунком случаях может возникать неопределённость при определении собственно цветового качества. По отношению к отдельным видам диких и домашних животных в русском словоупотреблении, например, *пятно*, *отметина*, *крапина*, *подпалина*, *пежина*, *полоса*, «*воротник*», «*яблоки*», «*ремень*», «*шапки*» и т. д. всё же представляют собой не очень однородное целое, так как они не эталонны в отличие от геометрических фигур и тел или даже по сравнению с характерными негеометрическими объектами, обозначаемыми словами типа *яйцеобразный*, *иглообразный*, *серповидный* и т. д.

Кроме этого, масть обладает *освещённостью* (*яркостью*, *интенсивностью*), которая характеризуется дополнительно *градуальностью*, т. е. способностью делиться на пары: *чёрный/белый*, *тёмный/светлый*, *тусклый/яркий* и т. д. Масть может восприниматься также с помощью кожной перцепции или *тактильности* — ощущения через прикосновение, реже с помощью «зрительной памяти». Как ещё один «опредетель» масти, участвующий в номинации, она представляется в языковом сознании довольно «размытой» категорией, хотя, объективно говоря, с помощью кожной перцепции человек способен точно познавать широкий круг таких свойств фактуры внешних покровов живых существ, как *гладкость*, *упругость*, *мягкость*, *влажность*, «*масляничность*». Фактура живых покровов характеризуется скорее не цветовым рядом, а качественными прилагательными типа: *атласный*, *бархатный*, *шёлковый*/ *шелковистый*, *пергаментный* и др. При сенсорном определении масти наблюдается диффузия зрения и тактильности. Например, такие качества, как *шероховатый*, *ворсистый*, *пушистый*, *щетиnistый* достаточно безошибочно определяются на вид, но их можно определить и на ощупь (Мойсеенко В. 2000: 16–186).

Краткий вывод таков: *несмотря на очевидную низкую степень внутренней организации масти как особой лексико-семантической подгруппы, в целом можно с уверенностью говорить о полимодальности и целостности её предметного образа.*

² Это цветоименование имеет общий корень с русским названием кошки *Мурка*, которое будет рассмотрено ниже.

Данные языка показывают, что уже само общесл. **rьsъ* — ‘собака’ развилось из первоначального названия цвета вместе со слав. **rьstrъ*, русск. *пёстрый*, др.-инд. *riśāṅgas* ‘рыжеватый, бурый (также в качестве названия собаки)’, *riśás* — ‘лань’ и др., которые восходят к и.-е. **rīk-/peīk-* ‘пёстрый, делать пёстрым’ (Фасмер III. 248–249). Для нашей темы актуально следующее наблюдение О. Н. Трубачёва: «Называние собаки по масти — это бесконечно повторяющийся процесс, начиная с древних его проявлений, устанавливаемых более или менее вероятно при помощи этимологии, и вплоть до новых местных названий, подчас не отличимых от кличек типа укр. *Рябко*» (Трубачёв 1956: 19–20).

Сближение собачьих кличек в качестве *терминологизированных апеллятивов* представляется весьма полезным в качестве указателя реальной этимологии слова **rьsъ*. Оно даёт также возможность восстановить семантическую историю этого слова, не дошедшую до нас в виде прямых свидетельств. Происхождение слав. **rьsъ* подтверждают опыты этимологического исследования некоторых других тематически близких слов, например, общесл. **xŕtъ*, которое имеет все признаки специального термина, обозначающего собак определённого вида. Ср. его значение ‘борзая, охотничья собака», представленное во всех слав. языках: рус., укр. *хорт*, серб. *хрт*, хорв. *hrt*, болг. *хрът*, *хрътка*, польск. *chart*, чеш. и слц. *chrt*, н.-луж. *chart*, в.-луж. *khort*, слн. *hrt*. По мнению исследователей, аналогичным специальным названием было вначале вероятно и слав. *ньсъ*, но связи последнего уходят в глубины индоевропейского, а именно — в сферу названий цвета (Славянские этимологии I–VII. 1957; Sławski I. 60–61; Moszyński 1957).

Слав. *xŕtъ* по происхождению также является названием цвета, которое оформилось, должно быть, позднее, так как круг его ближайших соответствий не выходит за рамки балто-славянских связей: «...слав. *xŕtъ* образовалось, по-видимому, из **sŕtъ* (с развитием *x < s* в приставочных и других сочетаниях по ‘правилу Педерсена)»; последняя форма с нулевой ступенью корневого гласного аналогична лит. *saŕtas* — ‘светло-гнедой (о лошади), желтоватый’, сюда же относится и русск. *мухóртый* — ‘гнедой, с желтоватыми подпалинами’ — очевидная гаплогения из **мухо-хорт* (Трубачёв 1956: 23).

Отмеченные сближения и переходы имён собственных в нарицательные и наоборот вполне соответствует общеславянской модели образования наименований домашних и диких животных по цветовому ряду, по окрасу, которую можно наблюдать и в наши дни в разных частях Славии. Ср. в сев.-рус. говорах: «белая карова — *бялоха*, бурая — *бурёха*, пёстрая — *пястрёха*»; «*бурка* — кличка быка или коня бурой масти, а также кличка собаки; *буришка* — кличка поросёнка; *бурёнка*, *бурёха* (*буроха*), *буреня*, *бурёшка* — кличка коровы, собаки», «*серко* — кличка собаки» (ПОС II. 220–222; Даль I. 144). «А лошади и *гняткó* и *сифка*, и *пягáн*, и *рышкó* были, ёта ня клички, а прóста» (разрядка наша — В. М.). *Бруня* — кличка

коровы (ПОС II. 182) — от общесл. «цветового» глагола *бронѣть/брунѣть* — ‘1. светлеть; отливать желтоватым, серым, красным цветом; 2. созревать, становясь темнее’ (Мойсеенко 2002: 130–131). *Пестрава, пестравка, пестравушка, пестрянка* — (волог.) — пёстрая скотина, корова; *пеструха, пеструшка* — кличка пёстрой коровы или курицы (Даль III. 104). На Балканах (Восточная Герцеговина), в другой части славянского языкового пространства, отмечается сходное явление: «Псима дају имена према длаки: *шаров, гаров, бјелов* и т. д.» — «Собакам дают клички (по цвету) шерсти: „пега, пятнистая“, „чёрная (тёмная)“, „белая“ и т. д.» (Мићовић 27).

Для полноты картины приведём ещё несколько типологически сходных примеров из южно- и западнославянских языков. Это образования от древнего цветообозначения *муругий* < **marogъ*, обозначающего преимущественно различную масть животных в пределах ‘пятнистый, полосатый’ или ‘бурый, грязный, тёмный’ (Мойсеенко 2002: 141–143): слн. диал.: *maroga* ‘корова тёмной пёстрой масти’ (Šešelj, Ramovš 83), *marogašca* — ‘белая овца с грязными пятнами на голове’ (Pitar 121), *moro(g)* — ‘кличка собаки в Далмации и у хорватов-кайкавцев’ (ARj VII. 12), *morák* — *krocán, morovatý pes, kocour* — ‘индюк, пятнистый пёс, кот’, *morouš* — *morovatá kočka, mourovatý dobytek* — ‘тёмная, тёмносерая полосатая кошка, пёстрый скот’ (Trávníček 947, 949).

Ср. также однокоренные чешские апеллятивы — названия лошади гнедой масти, восходящие к прасл. **gnědъ(jь)*: *hnědý kůň: hnědák, hnědáček, hnědka, hnědec, hnědička, hnědouš* (Trávníček 430–431) или родственные им вост.-сл. *гнедко, гнідко* и др.

Типологически однородными в разных славянских языках представляются нарицательные имена животных, образованные от общеслав. **polъ(jь)*, родственного и.-е. цветоименованиям с корнями **pal-/pel-/pol-*. Например, в хорв.: *plavica, plaveka, plavka, plaveša, plavuša, plavuška, plavojka, plavoška, plavulja, plavuljka* — ‘о кобыле, корове, овце, козе, курице’; *plavac, plavo, plavko, plavonja, plavan, plavina* — ‘о коне, быке, козле’ (ARj X. 23–31). В в.-луж.: *plowak* — ‘бледно окрашенный вол’ (Muka II. 66). В польск.: *plowysz* — кличка вола по масти, *plowysza* — кличка коровы по масти (Karłowicz 1952: 265). В слц.: *plavko* — ‘буланая лошадь’ (Исаченко II. 35), в чеш.: *plavek, plavko* — *plavý vůl, plavka* — *jméno krav od barvy plavé* (JS III. 107).

Шарик

У восточных славян кличка дворовой собаки *Шарика* ассоциируется чаще всего с образным понятием «небольшой, круглый (перекатывающийся) как шар(ик)». Подтверждение этому находим в литературе, где, в частности, сказано: «Какую информацию даёт нам слово Шарик? Мы знаем, что это кличка собаки, и только. Даже тот факт, что это имя ‘говорящее», ничего не говорит: вряд ли каждый Шарик оправдает то ‘основание

для сравнения», какое заложил в эту кличку первый человек, окрестивший так своего четвероногого друга за привычку *свёртываться клубком* (курсив наш — В. М.)» (Мокиенко 1981: 141).³

Так ли это на самом деле? *Круглый ли Шарик*? В современном русском языке слова с корнем *шар-* преимущественно имеют значение ‘часть пространства, ограниченная сферой’ либо ‘предмет такой формы’, ‘круглый» (Ожегов и Шведова 892). Но известно также, что уже прасл. **šarъ-* имело первичное цветное значение ‘пятнистый, пёстрый’. И пёс *Шарик* — изначально ‘пятнистый, пёстрый’, а не ‘круглый’. «Подобным шариком» его сделала народная этимология, и таким он прочно вошёл в русское обыденное языковое сознание.

Ещё в начале XX в. происхождение слова *шар* в русском языке считалось не вполне ясным. В этимологическом словаре А. Г. Преображенского по этому поводу написано: «*Шар* — ‘круглое со всех сторон тело’. Неясно» (Преображенский 88). Но уже Фасмер в первом прижизненном издании своего «Этимологического словаря русского языка» чётко дифференцирует два значения русского *шар*: 1. ‘Kugel’ 2. ‘Farbe, Fleck’ (Vasmer 1951: 374). Не противоречит этому и значение *шар* II в переработанном и дополненном О. Н. Трубачевым русским (пере)издании этого словаря, хотя в целом словарная статья *шар* выглядит уже несколько по-иному (Фасмер IV: 406). Следует отметить, что имеющая место этимология слова *шар* и в других русских этимологических словарях (в том числе и в значении ‘Farbe, Fleck’) не вполне удовлетворительна (ср., в частности, П. Я. Черных II: 402).

Образования, называющие домашних и диких животных и восходящие к прасл. **šarъ-*, в которых сохранён архетип цвета и масти, можно без труда обнаружить в большинстве современных славянских языков и диалектов. Сохранение в них именно колористического смысла свидетельствует в пользу наших рассуждений о происхождении старинного русского наименования дворняжки *Шарика*. Ср., в этой связи однокоренные образования

³ Говоря о лексике европейских языков, А. Мейе справедливо заметил, что лишь небольшое число слов в этих языках имеет надёжную индоевропейскую этимологию (Мейе 385). Практика показывает, что этимологические описания нередко связаны с разного рода недоразумениями, которые обусловлены как недостатком историко-документальных сведений, так и чрезмерным доверием именно к лингвистической форме исследуемого материала. Этимологические неудачи носят преимущественно субъективно-личностный характер: у этимолога опытного, но слишком «смелого», с широким воображением (хотя это качество чрезвычайно ценится в кругу коллег-профессионалов), велик риск умножения виртуальных культурно-языковых ситуаций, которые могут повлечь за собой неверную этимологизацию. У начинающих этимологов причиной заведомо неверных толкований нередко становится народная этимология — характерный компонент обыденного языкового сознания, который связан со спонтанным переосмыслением одних слов в сторону их сближения с другими словами. Подобные случаи могут представляться «родственными» в силу парадоксального сходства значений, звучания, формы или различных ассоциаций. Отсюда, например, в соответствии с веяниями народной этимологии, *Шарик* — это небольшая собачка, круглая «как шарик» по форме, а домашняя кошка называется *Муркой* — потому что «мурчит» / мурлычет.

в южнославянских языках, в частности, в серб.: *шаров* — ‘пегая собака, пёс’; *шарга*, *шароња* — ‘пегий вол’ или *Шарац* — легендарный конь — персонаж сербского фольклора. Аналогичны данные хорв. диал.: *šarov* — ‘название пятнистой собаки’, *šarova* — ‘название пятнистой коровы’, *šarka*, *šarovača* — ‘пёстрая, пятнистая змея (*vipera ammodytes*)’ (ARj 492).

Ср. слова с этим корнем с цветовым значением в других славянских языках: ст.-сл. *шаръ* – *хрѣма* в ед. знач. ‘краска’ (СС 768); др.-русс. *шаръ*, *шарота* — ‘краска’, *шарити* — ‘красить, пестрить’, *шарописатель*, *шаръчиц*, *шаръница* — ‘живописец’, *шаровный*, *шаротный* — ‘красочный’ (Срезневский III. 1582). В «Житиях Сергия Радонежского» агиограф говорит, что он не носил ничего «от суконъ немецких красовидных, цветотворных, или от синеты, или от багрянородных, или от бурявы, или от прочих многообразных различных **шаровидных** (‘пёстрых, цветных, красочных’ — В. М.) *цветов*» (‘Житие Сергия Радонеж. 352); русск. диал. *шара* — (у маляров) ‘дикая краска, мел с сажей’; новг. *шарило* — ‘растение румянка, синяк, *Echium vulgare*’ (Даль IV. 569); болг. *шар* — ‘цвет, краска, масть’, *шаря* — ‘пестрю, окрашиваю в разные цвета’; серб. *шарен* — ‘пёстрый, пегий’, *шаренило* — ‘пестрота’, *шаренити* — ‘пестрить’, *шареница* — ‘радужная оболочка глаза’, *шаренчица* — ‘щегол’, *шаруљаст* — ‘веснушчатый’ и др. (Толстой 1075–1076); слн. *šar*, *šara* — ‘пёстрый, пятнистый; пестрота’; польск. *szarak* — ‘заяц-русак’, *szary* — ‘серый, тёмный’, *szaro* — ‘серо, пасмурно, сумеречно’; укр. *шарий* — ‘серый’ (Гринченко IV. 485–486) и «цветная» фамилия *Шарий* (в польск., укр. и слов. не путать со знач. *szar* — ‘rząd, szereg’ и *шар* – ‘слой’, по происх. из нем. *Schar* с тем же значением (Machek 494). Подтверждением сказанному может служить также колористическая коннотация в слышанной автором этой статьи на Слободской Украине поговорке, имеющей отношение к распространённой фамилии Шарко: «У нас в селі майже кожний як не Серко, так Шарко».

Жучка

Н. М. Шанский (175–176) считает неверным следующее толкование происхождения существительного *жучка*, предложенное М. Фасмером: «...жучка ‘маленькая собачка’». Вероятно, от *жужу́* (?! — В. М.) (Фасмер II. 68). Далее Фасмер пишет: «Едва ли прав Горяев (Горяев 112), принимая родство с *жук*» (там же)⁴. Вслед за В. Далем и Н. Горяевым, Н. М. Шанский сравнивает *жучку* с *жуком* и сопоставляет формы *жу́чко*, *жучко́* с относящимися к идентичной семантической словообразовательной модели рус. *гнездо*, *сивко*, *серко* или укр. *Рябко́*, но нигде не упоминает о том, что все рассматриваемые им случаи являются *цветонаименованиями* — обозначе-

⁴ Некоторые идеи составителя первого русского этимологического словаря Н. В. Горяева (1892 г.) через сто лет были пересмотрены и стали рассматриваться в качестве заслуживающих внимания (Трубачёв 1978: 17).

ниями масти домашних животных. Именно этот момент, как уже подчёркивалось, является важнейшим для понимания как начального мотива первичной номинации, так и всего последующего корректного научного описания рассматриваемого случая. Соглашаясь с «установочной» трактовкой предшествующих исследователей, дополним её несколькими, на наш взгляд, существенными деталями.

Слово *жучка* отмечается в текстах русских поэтов и писателей уже в начале XVIII в. Русский академический 17-томный словарь фиксирует: «*жучка* обозначает дворовую непородистую собаку, по большей части чёрную (разрядка наша — В. М.). От распространённой клички — собственного имени *Жучка*» (ССРЛЯ IV. 197). Заметим, что в этом словаре *жучка* представлена в качестве апеллятива.

Внимательный к деталям В. Даль отмечает, что *жука* и *жучку* объединяет общий для них обоих признак — чёрный цвет: «Вообще жук и производные его дают понятие о жужжании, о жизни и о черноте» (Даль I. 547). Это важнейший показатель, который легко дополняется материалом русского и других славянских языков. В частности, подобный колористический признак лежит в основе русского диал. (костр.) *жукола* — ‘чёрная корова’, или *жучка* — диал. (влад.) — ‘чернорабочий’. Он заложен в загадке: «Стоит терем, в тереме ящик, в ящике мучка, в мучке жучка?», а также в ответе на неё: «изба, печь, зола, уголь» (Даль I. 546–547).

Цветовой признак обнаруживаем в русск. диалектах: *Жучка* — кличка коровы: «Карофку зовут Жучка, ана чёрненькая»; *жучок* — маленький черноволосый мужчина (ПОС 10: 280). *Жук* — (загадка) «Бела как снег, черна как жук, поворотила в лес [Сорока]»; *жук* — 1. прозвище мужчины: «Ён был чорный, чорный, ево звали Жук. Жук придёт, яму дадим прозвище такое, чорный он был»; 2. кличка быка: «Был бык — Жук, чорный, камлатый»; 3. кличка кота: «Нада яво Жуком назвать, чорный, каг жук» (там же: 273–274). Показательно в этой связи и замечание И. И. Срезневского: *жѣкъ* — *scarabeus*; ‘встречается как прозвище» (Срезневский I. 883).

В общ.-сл. **žuča*, **žučelъ* и в *однокоренном* **žukъ* легко прослеживаются два параллельных, частично взаимно пересекающихся значения: ‘чёрный, тёмный’ и ‘жук’. Следует отметить, что название целого отряда насекомых часто образуется от какого-либо наиболее типичного вида с «эталонным» цветом — нередко это чёрный/тёмный цвет хитинового покрова жука (*ater*, *niger*, *anthracinus* или иной близкий к ним тёмный).

Ср. в этой связи др.-рус. *жѣжелица* = *жжжелица*, а также *жѣжель*, *жѣжельный* — все в знач. ‘жук, жужелица; червь’ (Срезневский I. 883), а также русск. *жужелица* — ‘общее название жуков подотряда плотоядных» (в говорах также *жу́жель*, *жу́желка*) (Черных I. 306–307). В укр. языке. *жужелиця* = *жу́жель* — ‘окалина, шлак’, наряду с *жук* — ‘жук’ (Гринченко I. 492). То же самое значение встречаем в юж.-русск. диалектах.

В польск.: *Żuk* — wół czarny; pies czarnej maści; *Żukola* — nazwa czarnej krowy; *żuków*, -owy — nazwa „czarnego“ tytoniu, niegdyś powszechnie używanego (Karłowicz 25), а также: *żuk* — chrząszcz (i o wole czarnej maści) (Brückner: 669). Есть ещё в польск. и *żużel*, *żużelica*, *zużelica* — odpadki węgla — ‘угольная зола’ (Brückner 668).

В словен.: *žuželka* — жук, насекомое (Insecta, Hemiptera), на базе этого корня сформировано даже терминологически значимое название отдельной научной дисциплины энтомологии: *žužkoslovje* — entomologija, *žuželkar* — entomolog. В рассматриваемом случае наблюдается парадоксальное несовпадение цветового обозначения с реальной окраской объекта в составе сложного наименования — зоол. термина *črni žužek* (Calendra granaria), который толкуется как ‘majhen rdeče rjav hrošč’ — ‘маленький краснокоричневый жук’ (SSKJ: 1712).

В хорв. *žuk* — в знач. ‘kukac; scarabeus, ein Insect’ (в словарях XVII–XIX вв.), а также: *žuzak* (*žužek*) — ‘ime nekom kukcu (ceratophynus)’ и *žuželica* — ‘peka štetočina, crv ili insekt’ (ARJ XXIII: 496, 532).

В чеш. *žůžel* — ‘жук’, в ст.-чеш. *žůžela*, *žížela* — ‘насекомое’, но также и *žuk* — ‘жук’ (JS V. 868) В словц.: *žúžol* — ‘уголь’, *čierny ako žúžol* — ‘чёрный как уголь, как смола’ (Исаченко II. 827).

В болг.: «жу́жел ‘нещо прегоряло и почерняло’, жу́жель, жу́жёр — ‘чёрно нечто’, жу́жлѐн — ‘много черен’. Сродно с рус., укр., словаш., пол. Вероятно фигуративно от жу́жел поради тъмния цвят на насекомото» (БЭР I. 557). Примеры из разных слав. языков можно было бы продолжить.

Мурка

Наименование кошки Мурки в русской языковой традиции, как и в описанном выше случае собаки Жучки, очень часто употребляется в качестве нарицательного имени. Оно, несомненно, происходит не от действия «мурлыкать, мурчать», каким «слышит» и передаёт его народная этимология, например, в фольклорно-сказочном варианте *кот Мурлыка*⁵. Его истоки в названии масти, окраса внешнего покрова, первичный смысл которых — собственно колористический — варьируется в пределах световых и цветовых значений ‘грязный; тёмный, серый’. В обыденном языковом сознании это название чаще всего ассоциируется с значением ‘простая, непродистая домашняя кошка, мурка’.

Данное образование восходит к общесл. **mura* «с безусловной и.-е. родословной», в котором прослеживаются ранние задатки его экспрессив-

⁵ *Мурка* и *мурлыкать* — слова различного морфонологического состава. По Фасмеру (т. III, с. 13) глагол *мурлыкать* имеет звукоподражательную природу, как, например, татар. или тобольск.-татар. *myrla* — ‘мурлыкать, бормотать’, *myr* — ‘мяуканье’ (Радлов IV. 2142). Ср. аналог. нем. *turmeln*, лат. *turmutare* (F.Miklosich 204; Преображенский I. 570). Составители ЭССЯ (вып. 20, с. 191–192), в свою очередь, считают устаревшей концепцию, в соответствии с которой глагол *мурлыкать* имеет ониматопейскую природу.

ности в значении ‘грязь’ (ЭССЯ 20, 1994: 191). Подтверждения находим в большинстве слав. языков и диалектов (ARj VII. 157; Snoj 386, 425, 846; Pleteršnik I. 619; Sychta III. 74–75; Fraenkel I. 419; Гринченко II. 455; СУМ IV. 829 и др.).

Ахроматический ряд этого древнейшего славянского цветоименования способен широко варьироваться в пределах от ‘чёрного как сажа’ до ‘серого’ и ‘сероватого’. Ср., например, в лит. *máuras*, мн. *maurai* — ‘грязь, ил’ (Фасмер III. 10–11, 15); в слн. *múra* — ‘самка животного тёмной масти; ворона кобыла, чёрный конь’ (Pleteršnik I. 619), а также в ботан. номенклатуре *mûrka* — ‘*cvetica Nigritella*’ из **murъ* — ‘чёрный’, равно как и таксономич. лат. *Nigritella* по происх. из лат. *niger* — ‘чёрный’ [Snoj 425]; в хорв. *mur* — ‘пёс тёмной масти’ (и вообще о тёмных, чёрных животных), а также: *múra* — ‘кличка собаки, козы тёмной масти’ (Славония) (ARj VII. 157; Петлева 49); в чеш. *mour* и слов. *múr* — ‘плесень’, а также ‘сажа’ (древесн., угольн.); гриб *Fumago salicina*; (морав. диал.) — ‘корова чернявой масти; вол черноватой масти; тёмная полоса’ (JS II. 407). Прямыми соответствиями русским названиям представляются однокоренные чешские наименования кошек по масти типа: *mour(k)a*, *mour(ek)*, *morák*, восходящие к прилагательному-цветоименованию *mo(u)rovatý*, *moratý* в знач. ‘имеющий тёмные полосы, почерневший, тёмно-серый’ (Machek 307).

В разных славянских языках этимологически тождественное прилагат. **murъ(jь)* обладает множеством нюансированных значений масти. Ср., в частности, в укр. *мурий* — ‘тёмно-серый, испещрённый пятнами (о масти)’ (Гринченко II. 455); *муруватий* — ‘тёмно-серый’ (СУМ IV. 830) или в русск. (диал.) *мурый*, *мурастый* — о шерсти коров, собак: ‘волнистый, мрамористый; рыжебурый с чёрной волной; желтоватый с тёмно-бурой волной; тёмно-пёстрый в волнистых полосах и пятнах’ (Даль II. 360). *Мурый* — ‘рыже-серый или рыже-бурый; пёстрый’ (СРДГ II. 147)⁶.

Изложенные факты, на наш взгляд, позволяют достаточно уверенно говорить о том, что во всех славянских языках и диалектах образования,

⁶ В связи с нашей темой заслуживает внимания самостоятельный вопрос о морфонологическом и семантическом строении многочисленных славянских производных от корня **murъ* с паразитическими элементами (протезами) и аффиксами. Эта ситуация характерна не только для славянских языков. Ср., например, родственное греч. *ἄμαυρός* — ‘тёмный’, где *α-* — протеза или рус. *хмурый*, *хмарный*, *смурый*, *сумерки*, *сумрак* (диал. *суморок*), *пасмурный* и др.; болг. *смуртѣн* — ‘runzelig, böse, faltig’; хорв. *sumoran/sumuran* — ‘хмурый, сумрачный’; кашуб. *smura* — ‘туман’; чешск. *chmura*, *chmara*, *chmurný* — ‘dunkle Wolke’, *smouřiti* — ‘trüben’; польск. *chmura*, *chmurny*, *chmurzyć się* и даже румын. префикс. *posomorí* — ‘затемнить, потемнить’ или венгр. *szomorít*, *szomorú*, *szomorúság* в знач. ‘печалить, огорчать; печальный, грустный; печаль, грусть’ (два последних примера заимств. из славянск.).

По мнению этимологов, подобные образования всё ещё не имеют сколько-нибудь достоверной этимологии (Sławski I. 71–72; Skok III. 360; V. Jagic, Archiv für slav. Philologie V, 431; Machek 307; A. Walde, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, hrsg. und bearbeitet von J. Pokorny, I–III. Berlin–Leipzig 1927–1932. II, 223; A. A. Потебня, Русский Филол. Вестник, IV. Варшава 1882, 204–205; F. Miklosich, Etym. Wb. 204; Преображенский 570; M. Snoj 386, 425, 846).

восходящие к **tura*, являются реминисценциями этого реликтового праславянского цветообозначения (ЭССЯ 20:196).

Боскó, Бóсьй

Происхождение общеслав. прилагат. *бос/босой* традиционно считается «прозрачным». Оно восходит к праслав. **bosъ/bosъjъ* с единым для всех славянских языков первичным значением «босой, нагой». Таким его правильно, но не совсем полно описывают все современные этимологические словари, так как помимо названного основного значения этому слову присуще ещё одно дополнительное, несомненно хронологически более позднее. Лишь у отдельных исследователей можно обнаружить периферийные по их сути упоминания об этом дополнительном (цветовом ли?) значении, как бы «обронённые вскользь». Подобный штрих-намёк, в частности, обнаруживаем в словаре Фасмера, где без комментариев в завершающей строчке словарной статьи *босóй* представлено: «ср. ещё *босый* «серый»» (Фасмер I. 199). Петар Скок (Skok I: 191), наряду с М. Фасмером, в качестве одного из контекстуальных примеров к статье *bos*, также без комментариев, приводит синтагму *bos vó*, имеющую цветовое значение, отличное от первичных смыслов «босой, голый» или окказ. «неподкованный». Это очевидное цветовое значение рассматриваемого слова имеет конкретное и существенно важное значение именно для нашей темы, оно же остаётся одновременно камнем преткновения в спорах этимологов.

Наиболее известны научные разногласия по поводу трактовки форм *босый / бусый / бусов / босов* в выражении «и скочи *босымъ влькомъ...*» из (кон)текста «Слова о полку Игореве» — знаменитого др.-русс. Письменного памятника XII в. Этому случаю, непосредственно связанному с темой данной публикации, который давно и традиционно считается «тёмным местом» (чему в немалой степени способствовала и сама удивительная почти детективная историческая судьба «Слова»), нам, вероятно, следовало уделить больше внимания. Однако рамки статьи вынуждают нас отсылать читателя к многочисленным комментариам, созданным за двухвековую историю изучения этого литературного шедевра.⁷

Письменные памятники и диалектный материал с очевидностью подтверждают, что уже общеслав. **bosъ/bosъjъ*, наряду с первичным значением «босой», имело также и цветовое значение «серый, тёмный». Говоря точнее,

⁷ В своих исследованиях В. А. Адрианова-Перетц, Б. А. Ларин, Н. А. Мещерский, Л. А. Булаховский, Д. С. Лихачёв, С. П. Обнорский, В. Макушев, Н. Тихонравов, А. А. Потебня, А. И. Соболевский, Г. Ильинский, В. А. Гордлевский, М. В. Щепкина, Н. В. Шарлемань, П. М. Мелиоранский, В. В. Нимчук, В. А. Козырев, Р. Якобсон и многие др. трактовали известный фрагмент *босуви врани* — «серые (?) вороны» по-разному: 1. белоногий (?); 2. стремительный; 3. хороший, удачный; 4. священный и т. д. (ССС I. 64–65, 78–79; II. 205–206, 208; VI. 205–206, 208). Важно, что абсолютное большинство комментирующих сходится во мнении, что в основе рассматриваемой словоформы всё же находится колористический, а не какой-то иной смысл.

это древнее абстрактное прилагательное обладало целым рядом нюансированных свето-цветовых оттеночных значений ахроматического ряда: от почти чёрного до пепельного и серо-голубого.

Интересующий нас цветовой компонент как ономазиологический стержень и первоэлемент некоторых наименований домашних и диких животных по масти сохранился до наших дней в большинстве славянских языков и диалектов. Наличие цветового смысла несомненно, например, в старинной сербской пословице: *бос као пас* (ARj I. 557) или хорватском диалектном *bos vo* (Skok I. 191). Свето-цветовые ахроматические значения присутствуют в украинских диалектах: *бóсий* — 3) о собаке: тёмной шерсти, с белыми лапами; о быке: с белыми копытами. 4) чоловік с бóсою губою — человек без усов (Гринченко I. 89). Есть подтверждения, что на Украине серого волка местами называли «бусым» (Шарлемань 114, 116). В современных украинских говорах известно также выражение: *бóса корова* — ‘корова с белыми «чулками»’.

В этой же связи В. А. Козырев пишет: «...нами установлено, что в современных брянских говорах словосочетание *босый волк* широко употребляется в сравнении *как босый волк*: „Босый волк — када шэрсть тиряит, ... шэрсть збрасываит вясной, зимой был серый, а збросил — стал босый, биловатый, билявый дельицца“. Как видим, босый применительно к волку употребляется в брянских говорах прежде всего для обозначения цвета шерсти: светлый, беловатый (в результате весенней линьки)» (Козырев 95).

Общую картину дополняют примеры из закарпатских говоров, содержащих не очень чётко выраженный, но очевидный свето-цветовой компонент: *босóвитис’а* — ‘сердиться, насуплюватись’, *набосóвитис’а*, *забосовитис’а* — ‘насупитись, сердито нахмуриться’, *бóсдóл’ін’а* — ‘насупленість’, *босовний* — ‘досадний’ (Німчук 37–38).

Сходными по цветовой семантике с закарпатскими являются штокавские образования с корнем *bus-*. Ср. в 23-х томном словаре Югославянской академии: *busôvan* — *iratis*; *ljutit* — ‘злой, хмурый’ (— В. М.). *Isporedi busnovit, nabusit od korijena od koga je busati* (ARj I. 764) или *набусит* — ‘угрюмый, мрачный, неприветливый’ (Толстой 426).

Наблюдения показывают, что в наши дни наиболее полно свето-цветовой семантический компонент в общесл. **bosъ* сохраняется на восточнославянской языковой территории, в частности в совр. великорусск. говорах. Ср. в этой связи однокоренные производные: *бусъ* ‘пыль, чернота’, *бус ти* ‘темнеть, чернеть’ (СлРЯ XI–XVII вв. I. 358–359); сев.-русс., сиб. *бúсый*, *бусóй* — ‘серый, пепельный, дымчатый’; *бусóвѣть* — ‘синеть, сереть; темнеть, чернеть’; арханг. ‘менять рыжеватый цвет на серо-голубой (о белке)’; *бусовóй* — ‘серо-синеватый; седой; грязный’ и др. (СРНГ III. 302–307); *Бóсый* — кличка кота: А кот белые лапки (ПОС II. 131). В словаре Даля несколько примеров на *бúсый* (сиб.) — ‘тёмно-голубосерый, избура-серый, буродымчатый. Буропепельный’; о шерсти ‘темнобурый с синевою, сизобурый’; *Бúско* (обл.) — ‘животное бусой шерсти; тёмнодымчатая кошка’;

бусовá (арханг.) ‘тёмная синева неба, до восхода и по закате солнца’; *бусеть, бусоветь* — ‘синеть, сереть, темнеть, чернеть’; *бусотá, бусотный* (арханг.) ‘мех, шкурка, одношерстный, целомастный, без пежин, отметин; ровный, княжий мех’ (Даль I. 145).⁸

Отметим ещё раз, что в северных и северо-западных русских говорах прилагательное *босой* является производящим для кличек собаки. Собачье прозвище *Бóско* в некоторых местах употребляется и как *нарицательное имя* — *кличка собаки*, специально кобеля (АОС II. 88)⁹. Ср. также арханг. *Бúско* — ‘кот, имеющий шерсть свинцового цвета’. *Бúско* — ‘серо-дымчатого цвета кошка, т. н. сибирской породы’. Это же относится и к нарицательному названию кота/кошки: ср. псков. *Бóсый* — кличка кота (ПОС II. 131) или новгор. *Босыня* — кличка животного (НОС I. 79). *Бусой* — грязно-серый, напр., цвет летнего зайца (Богораз 12). В укр. *Бúсько* — кличка собаки-дворняжки. По этому поводу А. Ф. Журавлёв замечает: «Правда, можно подозревать, что большинство наименований (кличек) животных *босыми* относится к особям с *отличным окрасом лап* («белоногий» и под.) (курсив наш — В. М.) (Журавлев 52).

*

Опыт показывает, что «нити этимологизации», образующие настоящую паутину, при всём желании не всегда удаётся до конца распутать. Однако в некоторых случаях удача может сопутствовать исследователям.

Литература

- Андерсен Х. Взгляд на славянскую прародину: Доисторические изменения в экологии и культуре: Вопросы языкознания 1996, № 5, с. 65–106; № 6, с. 31–40.
 АОС — Архангельский областной словарь. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–11. Москва 1980–2001 (изд. продолжается).
 Баскаков Н. А. Половецкие отблески в «Слове о полку Игореве»: Ural-Altische Jahrbücher 48 (Wiesbaden 1976).
 Баскаков Н. А. Ещё о тюркизмах «Слова о полку Игореве»: Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. Москва 1978.
 Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, LXVIII, № 4. СПб. 1901. 19–163.

⁸ В качестве дополнительного аргумента в пользу «цветовой генетики» рассмотренных нами наименований домашних и диких животных типа *Босый, Буско* можно напомнить, что Древняя Русь знала не только обыкновенного волка, но также «цветную» его разновидность, именовавшуюся *босой волк*. Летопись XII в. упоминает как о ценном редком мехе — о *белом волке*. «Приходилось слышать, что такой волк существует ещё в наши дни в лесах северного Заволжья и Сибири (в Сибири, говорят, попадает и *красный волк*). Не этот ли белый волк у охотников в старину назывался *босым*?» — резонно задаёт вопрос В. Л. Виноградова — составитель 1-го вып. (А–Г) словаря-справочника «Слова» (с. 64).

⁹ Ср. ещё олонецк. и псковск. *боскоеды* — насмешливое прозвище жителей тех или иных мест, о которых рассказывают анекдот про то, что они по недоумию вместо зайца съели собственную собаку (СРНГ III. 124).

- БЭР — Български етимологичен речник, 1. София 1971.
- Горяев Н. В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис 1892.
- Гринченко Б. Словарь украинского языка, 1. Киев 1907.
- Даль В. Словарь живого великорусского языка, 1–4. Москва 1880–1882.
- Житие Сергия Радонежского: Памятники литературы Древней Руси, XIV–середина XV века. Москва 1981. 256–429.
- Журавлёв А. Ф. Наивная этимология и «кабинетная мифология» (из наблюдений над мифологизмом А.Н.Афанасьева): Этимология 1997–1999. Москва 2000.
- Исаченко А. В. Словацко-русский переводной словарь, 1–2. Братислава 1957.
- Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, XXXI. Ленинград 1976.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индо-европейских языков. Москва–Ленинград 1938.
- Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве»: Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наук, т. VII, кн. 2. Спб. 1902.
- Мишовић Љ. Живот и обичаји Поповаца: Српски етнографски зборник, LXV, Београд 1952.
- Моисеенко В. Е. Из истории цвета и масти животных в русском языке: Слово и цвет в славянских языках. Melbourne 2000, 160–186.
- Моисеенко В. Е. Очерки о русских и славянских цветоименованиях: Свет и цвет в славянских языках. Melbourne 2002, 93–150.
- Моисеенко Л. Н. Ещё раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве»: Слово и цвет в славянских языках. Melbourne 2000, 148–156.
- Мокиенко В. М. В глубь поговорки. Киев 1989.
- Німчук В. В. «Слово о полку Ігоревім» і народна мова: Мовознавство, 1968, № 1.
- НОС — Новгородский областной словарь. Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород 1992–1995.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва 1999.
- Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка, II: Этимология 1971. Москва 1973.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Ред. Б. А. Ларин и др. Вып. 1–12. Ленинград–СПб. 1967–1996 (изд. продолжается)
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, 2. Москва 1959 (фототип. изд. 1910–1914 гг.).
- Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий, 1–4. СПб. 1893–1911.
- Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: Вопросы языкознания 1994, № 6, с. 81–85.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I–IV. Под ред. Б. А. Ларина. Москва 1964–1974.
- Славянские этимологии 1–7: Вопросы славянского языкознания. Вып. 2, 1957.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. Ред. С. Г. Бархударов и др. М. 1975–2002 (изд. продолжается).
- СРДГ — Словарь русских донских говоров, 1–3. Ростов-на-Дону 1975–1976.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Филин и др. Вып. 1–36. Ленинград–СПб. 1965–2002 (изд. продолжается)
- СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Москва 1994.
- ССРЛЯ (БАС) — Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Москва–Ленинград 1950–1965.
- ССС — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. Москва–Ленинград 1965–1984.
- СУМ — Словник української мови, I–XII. Київ 1970–1982.

- Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. Москва 1957.
- Трубачёв О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. Москва 1956.
- Трубачёв О. Н. Этимологические исследования славянских языков: словари: Вопросы языкознания 1978, № 3.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка, 1–2. Москва 1994.
- Шанский Н. М. О некоторых названиях собаки в русском языке: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. Изд-во МГУ, 1966.
- Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, VI. Москва–Ленинград 1946.
- ЭСЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–30. Москва 1974–2004 (изд. продолжается).
- ARj — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Izd. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, I–XXIII. Zagreb 1880–1973.
- Bezljaj F., Etimološki slovar slovenskega jezika, I–III. Ljubljana 1976–1995.
- Brückner A., Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa 1957.
- Fraenkel E., Litauisches etymologisches Wörterbuch, I–II. Heidelberg–Göttingen 1965.
- Herne G., Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala 1954.
- JS — Jungmann J., Česko-německý slovník, I–V. Praha 1835–1839.
- Karłowicz — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W., Słownik języka polskiego, I–VIII. Warszawa, MCMLIII.
- Machek V., Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957.
- Miklosich F., Etymologische Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien 1886.
- Moszyński K., Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław 1957.
- Muka A., Słownik dolnosербске řeči a jeje narěcow, I–III. Петербург 1911–1915; Praha 1926–1928.
- Pitar L., Slovarski in besedoslovski paberki: Letopis Slovenske Matice I. Ljubljana 1895.
- Pleteršnik M., Slovensko-nemški slova, I–II. Ljubljana 1894–1895.
- Ramovš F., Dialektološka karta slovenskega jezika. Ljubljana 1931.
- Skok P., Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I. Zagreb 1971.
- Sławski F., Słownik etymologiczny języka polskiego, 1. Kraków 1956.
- Snoj M., Slovenski etimološki slovar. Ljubljana 2003.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnjega jezika. Drugi ponatis. Ljubljana 1997.
- Sychta B., Słownik gwar kaszubskich, I–VI. Wrocław–Warszawa–Kraków 1973.
- Šešelj J., Ramovš F., Narodno blago iz Roža: Arhiv za zgodovino in narodopisje II. Maribor 1936–1937.
- Trávníček F., Slovník jazyka českého. Praha 1952.
- Vasmer M., Russisches Etymologisches Wörterbuch, I–III. Heilderberg 1951.